

misterium

misterium

**ДЖОН
СЭНДФОРД
ЖЕРТВА РАЗЦМА**

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
С97

John Sandford

MIND PREY

Copyright © John Sandford, 1995

Иллюстрация на переплете и суперобложке *Анатолия Дубовика*

Сэндфорд, Джон.

С97 Жертва разума / Джон Сэндфорд ; [пер. с англ. В. А. Гольдича, И. А. Оганесовой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 448 с.

ISBN 978-5-699-78176-8

Не так давно Джон Мэйл был помещен в психиатрическую клинику и проходил там курс принудительного лечения. Ему удалось бежать и скрыться в окрестностях Миннеаполиса под чужим именем. Но больной рассудок и жажда мести не давали Джону покоя. И тогда, завзятый поклонник ролевых игр, он решил начать свою игру — максимально реалистичную. Похитив своего бывшего психиатра и двух ее дочерей, он запер их в сельском доме и бросил открытый вызов знаменитому сыщику Лукасу Дэвенпорту, приступившему к расследованию этого дела. Помимо службы в полиции, Лукас был широко известен как создатель ролевых игр. И Мэйл навязал ему состязание, ставка в котором — жизнь трех женщин. Безумец считает, что победит, — ибо именно он выстраивает сценарий игры. Но Дэвенпорт хорошо знает: игру определяет тот, кто устанавливает ее правила...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гольдич В., Оганесова И., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78176-8

Глава

01

Ближе к вечеру началась гроза, и плотные серые тучи повисли над озером, точно свернутые в шарики носки, высыпавшиеся из корзины для грязного белья. Холодный ветер срывал листья с вязов, дубов и кленов, которые росли на берегу, и белые флоксы и черноглазые гибискусы склоняли перед ним свои головки.

Лето подходило к концу, как-то слишком быстро.

Джон Мэйл шел по плавучему доку «Проката лодок Ирва», окутанному вонью бензина, дохлой, высохшей на воздухе мелкой рыбы и водорослей, а за ним, засунув руки в карманы потрепанных габардиновых брюк, тащился старик хозяин. Мэйл не имел ни малейшего представления о старых устройствах — дросселях¹, грушах для подкачки топлива, карбюраторах и прочих штуках. Он прекрасно разбирался в диодах и резисторах, сильных сторонах одного чипа и недостатках другого. Но в Миннесоте знания о лодках и обо всем, что с ними связано, — часть генетического наследия, и он без проблем сумел взять напрокат у Ирва четырнадцатифутовый² «Лунд» с подвесным мотором «Джонсон 9.9».

¹ Акселератор на любом средстве передвижения, оснащенном двигателем внутреннего сгорания. — *Здесь и далее прим. пер.*

² Фут равен 0,3048 м. 14 футов — 4,3 м.

Причем ему хватило водительских прав и банкноты в двадцать долларов.

Мэйл забрался в лодку, смахнул ладонью воду со скамейки и сел. Ирв, опустившись на корточки рядом, показал, как завести и заглушить мотор, как управлять лодкой и прибавить скорость. Урок занял тридцать секунд, после чего Джон, прихватив с собой дешевую удочку с катушкой и пустой красный ящик из пластмассы, предназначенный для снастей, отплыл от берега озера Миннетонка.

— Возвращайся дотемна! — крикнул ему вслед Ирв.

Седовласый старик стоял на пристани и смотрел вслед отплывающей лодке.

Когда Мэйл вышел из плавучего дока, небо у него над головой было ясным, а воздух прозрачным и летним, хотя на западе что-то происходило, и он подумал, что приближается гроза, которая пока прячется за деревьями. Впрочем, это не имело значения — всего лишь впечатление.

Он проплыл три мили¹ вдоль берега на северо-восток. Вокруг озера, так плотно, что казалось, будто они касаются друг друга локтями, выстроились большие дома из камня и кирпича, стоимостью в несколько миллионов долларов каждый, с ухоженными лужайками, сбегаящими к воде. Их украшали похожие на почтовые марки клумбы с цветами, над которыми потрудились профессионалы, а от них в разные стороны разбегались дорожки из крупной гальки. В траве сидели каменные лебеди и утки.

С воды все выглядело совсем иначе. Мэйл решил, что он забрался слишком далеко, но так и не нашел нужный

¹ Миля равна 1,61 км. 3 мили — менее 5 км.

ему особняк. Он остановился и поплыл назад, затем сделал круг. Наконец, намного севернее, чем предполагал, он заметил диковинный дом, похожий на башню, — местную достопримечательность. А дальше по берегу, один-два-три, да, вот он: камень, стекло и кедр, красная черепица и едва различимые за скатом крыши верхушки голубых елей, выстроившихся вдоль улицы. Клумба с пышными красными, белыми и голубыми петуниями патриотично украшала стену из плитняка на лужайке, сбегавшей к озеру. Рядом с плавучим доком в судоподъемнике стоял открытый катер.

Мэйл заглушил мотор, и через некоторое время лодка замерла на воде. Гроза еще пряталась за деревьями, и ветер начал стихать. Он взял удочку, отмотал леску и забросил ее в воду, без крючка и грузила. Она плавала на поверхности, но его это не беспокоило — со стороны казалось, будто он ловит рыбу.

Опустившись на жесткую скамью, Джон сгорбился и принялся наблюдать за домом. Однако там ничего не происходило, и через несколько минут он начал фантазировать.

Мэйл отлично умел это делать и в определенном смысле был настоящим мастером. Когда-то его запирали в качестве наказания, отбирали книги, запрещали играть и смотреть телевизор. Они знали, что он страдал от клаустрофобии — это являлось частью наказания, — и тогда, чтобы не сойти с ума, он сбегал в мир фантазий, садился на кровати, поворачивался лицом к голой стене и смотрел собственные фильмы, наполненные сексом и огнем.

Энди Манетт была звездой в его ранних придуманных фильмах; потом стала появляться в них все реже и реже, а

в последние два года и вовсе пропала. Он почти ее забыл. Но однажды Мэйл услышал призыв, и она вернулась.

Энди Манетт. Ее духи могли оживить мертвеца. Высокая, стройная, с тонкой талией и большой белой грудью, с удивительно изящной шеей, если смотреть на нее сзади, когда она укладывала свои темные волосы в высокую прическу, открывавшую маленькие ушки.

Мэйл уставился на воду, широко раскрыв глаза и выпустив из рук удочку, которая свисала с борта лодки. Энди шла по темной комнате, направляясь к нему и сбрасывая на ходу шелковый халатик. Он улыбнулся. Прикоснувшись к ней, почувствовал, какое у нее теплое, бархатное, безупречное тело. Джон ощущал его кончиками пальцев.

— Сделай это, — говорил он громко, не выдерживал и начинал хихикать. — Вот тут, внизу, — добавлял он.

Мэйл просидел час, потом еще один, время от времени что-то произнося вслух, потом вздохнул, вздрогнул и, вернувшись в реальность, увидел, что мир вокруг изменился.

Небо стало серым, сердитым, со всех сторон наступали нависавшие низко над землей тучи. Ветер набрасывался на лодку, и тонкая леска трепетала на поверхности воды.

Пора.

Мэйл потянулся назад, чтобы завести мотор, и увидел ее.

Она стояла у окна эркера в белом платье — хотя она находилась от него в трехстах ярдах, он узнал фигуру и неповторимую, наполненную вниманием и наблюдательностью неподвижность. Он чувствовал ее взгляд. Энди Манетт была ясновидящей. Она могла проник-

нуть в его мысли и произносила слова, которые он пытался скрыть.

Джон Мэйл отвернулся, чтобы защититься от нее.

Чтобы она не узнала, что он идет за ней.

Энди Манетт стояла в эркере и смотрела, как дождь наступает на дом со стороны озера, а следом за ним подбирается мрак. На краю лужайки, сбегавшей к воде, ветер трепал высокие головки флоксов. К выходным они уже отцветут. А чуть дальше она увидела одинокого рыбака в лодке с оранжевым носом, взятой напрокат у Ирва. Он сидел на одном месте с пяти часов, и, как ей показалось, без особого результата. Энди могла бы сказать ему, что на дне здесь по большей части лишенный жизни ил и что сама она ни разу ничего не поймала с пристани.

В тот момент, когда она на него посмотрела, он повернулся, чтобы завести мотор. Энди всю жизнь имела дело с лодками, и то, как рыбак двигался, подсказало ей, что он не умеет обращаться с подвесными моторами — не знает, как нужно сесть и одновременно его запустить.

Когда он повернулся, Энди почувствовала его взгляд и подумала, удивив саму себя, что знает этого человека. Впрочем, он находился так далеко, что она даже не различала лица. И тем не менее все вместе — голова, глаза, плечи, движения — показалось ей знакомым...

Затем он снова дернул за веревку стартера и уже через несколько секунд помчался вдоль берега, одной рукой придерживая шляпу, другую положив на рычаг мотора. Энди решила, что рыбак ее не заметил. Их разделила стена дождя.

И она подумала: тучи затянули все небо, начали опадать листья.

Конец лета.

Как же быстро.

Энди отвернулась от окна и прошла по гостиной, включая свет. Комната была обставлена с любовью и одновременно уверенной, твердой рукой: массивные дачные диваны и стулья, столы, сделанные на заказ искусными мастерами, светильники и ковры. В углу намек на принадлежность к секте шейкеров¹, повсюду натуральное дерево и ткани приглушенных тонов с вкраплениями ярких пятен — вспышка красного на ковре, прекрасно сочетавшаяся с антикварным столиком из клена, голубая полоса, словно напоминание о небе за окном.

Дом, всегда теплый и уютный в прошлом, без Джорджа казался Энди холодным.

Из-за того, что он сделал.

Джордж, энергичный, постоянно в движении, вечный спорщик, с умными глазами, грубым лицом, тучный и агрессивный, тем не менее давал ей чувство защищенности. А теперь... это.

Энди была стройной, высокой женщиной, с темными волосами и врожденным чувством собственного достоинства. Часто казалось, будто она позирует, хотя сама она этого не замечала. Просто руки и ноги принимали особое положение, голова склонялась набок, как будто художник рисовал ее портрет. Прическа и жемчужные

¹ Шейкеры — протестантская религиозная секта в США, официальное название которой — Объединенное сообщество верующих во второе пришествие Христа.

серьги без слов говорили о том, что она владеет лошадьми и яхтами и проводит отпуск в Греции.

Она ничего не могла с этим поделать, да и не стала бы, даже если бы могла.

В лучах света, падающего из гостиной, Энди начала подниматься по лестнице, чтобы заняться дочерьми: завтра первый день в школе, нужно было выбрать одежду и пораньше уложить их спать.

На верхней площадке лестницы она собралась свернуть направо, к их комнате — и тут услышала едва различимую музыку из непристойного фильма, которая доносилась с противоположной стороны.

Значит, они сидят у телевизора в большой спальне. Пока Энди шла по коридору, она услышала щелчок переключения канала, и к тому моменту, когда переступила порог, девочки с серьезным видом смотрели канал новостей «Си-эн-эн», на котором пара репортеров рассуждала про индекс потребительских цен.

— Привет, мам, — бодро сказала Женевьева, а Грейс подняла голову и улыбнулась, старательно делая вид, что очень рада ее видеть.

— Привет, — ответила Энди и принялась оглядываться. — Где пульт?

— На кровати, — нисколько не смутившись, ответила Грейс.

Пульт от телевизора лежал посреди кровати на покрывале, довольно далеко от девочек. «Они его туда забросили», — подумала Энди, взяла его и сказала:

— Извините.

После чего прошла по каналам в обратном порядке и на одном из платных обнаружила постельную сцену в полном разгаре.

— Ну, вы даете! — с упреком проговорила она.

— Нам полезно, — запротестовала младшая из дочерей, даже не пытаясь отрицать очевидное. — Для образования.

— Это не самый лучший способ, — заявила Энди и выключила канал. — Лучше спросить у меня, если вас что-то интересует. — Она посмотрела на Грейс, но старшая дочь отвернулась — немного сердито и смущенно одновременно. — Ладно, — сказала Энди. — Давайте-ка соберем вещи в школу и примем ванну.

— Мы снова заговорили, как доктор, мама! — возмутилась Грейс.

— Извините.

Когда они шли по коридору в комнату девочек, Женестьева неожиданно выпалила:

— Господи, член у того мужика, как у жеребца!

На мгновение повисло потрясенное молчание, потом Грейс захихикала, через две секунды фыркнула Энди, а еще через пять все трое валялись на ковре в коридоре и хохотали до слез.

Всю ночь шел дождь, который прекратился на несколько часов утром и снова начался.

Энди посадила дочерей в автобус, пришла на работу на десять минут раньше и занялась записанными на прием пациентами; она внимательно их слушала, улыбалась, стараясь успокоить и поддержать, иногда подпускала жесткости в голос. Она разговаривала с женщиной, которая постоянно думала о самоубийстве; и еще с одной, считавшей себя мужчиной, оказавшимся в ловушке женского тела; с мужчиной, ставшим жертвой навязчивой необходимости во всем контролировать жизнь своей семьи — он понимал, что ведет себя неправильно, но ничего не мог с собой поделать.

В полдень Энди прошла два квартала до магазинчика деликатесов и принесла оттуда пакет с ланчем для себя и напарницы. Они провели час, отведенный на ланч, разговаривая с бухгалтером о социальной защите и налогах на компенсацию по потере трудоспособности.

Днем выдался яркий момент: пришел интересный пациент, полицейский офицер, плотно опутанный миллионами нитей хронической депрессии, который, похоже, начал положительно реагировать на новый препарат. Обычно мрачный, с нездоровым цветом лица, насквозь прокуренный, сегодня он смущенно улыбнулся и сказал:

— Господи, эта неделя была лучшей за последние пять лет: я начал обращать внимание на женщин.

Манетт ушла с работы рано и поехала под противным морозящим дождем, от которого все вокруг развезло, в западный район Петли, к хаотичному скоплению белых коттеджей в стиле Новой Англии и зеленым игровым площадкам школы «Березка». Парковку окружал плотный строй кленов, и Энди заметила в роскошных кронах ярко-красные пятна осени. Дорожка ко входу шла через давящую имя школе березовую рощу, расцвеченную золотистыми красками, радовавшими глаз в этот отвратительно серый день.

Она оставила машину на парковке и поспешила в школу, чтобы поскорее оставить позади душный запах дождя, висевшего над асфальтом, точно туман.

Встречи с учителями стали для нее привычной рутинной, и Энди ходила на них каждый год в первый день занятий: она беседовала с учителями, всем улыбалась, согласилась участвовать в празднике Дня благодарения, выписала чек для факультатива по струн-

ным инструментам. *Мы с удовольствием работаем с Грейс, очень умная девочка, активная, лидер в школе, бла-бла-бла.*

Манетт с удовольствием ходила на эти встречи и радовалась, когда они заканчивались.

Потом они с девочками вышли из школы и обнаружили, что дождь пошел сильнее и со злобным шипением низвергается с обезумевшего неба.

— Вот что я тебе скажу, мама, — заявила Грейс, наблюдая за женщиной со сломанным зонтиком, которая почти бежала по улице, когда они остановились под козырьком у входа. Грейс всегда с очень серьезным видом разговаривала со взрослыми. — На мне сегодня отличное платье, и оно почти не помялось, так что я смогу надеть его еще раз. Давай ты заберешь машину, подъедешь сюда, и я сяду тут.

— Хорошо, — ответила Энди, подумав, что им действительно нет смысла всем мокнуть.

— А я дождя не боюсь, — с вызовом сказала Женевьева. — Идем.

— Подожди меня вместе с Грейс, — предложила Энди.

— Не хочу. Грейс боится, что она от воды растает, старая ведьма, — ответила Женевьева.

Грейс посмотрела в глаза сестре и сложила указательный и большой пальцы так, как будто собиралась ее ущипнуть.

— Ма-ам! — заныла Женевьева.

— Грейс, — укоризненно проговорила Энди.

— Сегодня, едва ты уснешь, — прошептала Грейс, которая отлично умела управляться с сестрой.

В свои двенадцать лет, старшая и более высокая из сестер, еще нескладная, она уже начала превращаться

в девушку. Очень серьезная, даже слишком, постоянно мрачная, словно ждала, что вот сейчас произойдет что-то ужасное, Грейс собиралась стать врачом.

Женевьева же была бойкой, легкомысленной и шумной и даже слишком хорошенькой. Уже сейчас, когда ей было девять, не вызывало сомнений, что мальчикам от нее не поздоровится. Причем многим. Но до этого еще было далеко. Сейчас она сидела на бетонном крыльце и пыталась оторвать подошву от кроссовки.

— Жен! — попыталась урезонить ее Энди.

— Она все равно оторвется, — ответила Женевьева, не поднимая головы. — Я тебе говорила, что мне нужны новые кроссовки.

По дорожке быстрым шагом прошел мужчина в плаще и с непокрытой головой, которую он опустил, пытаюсь защититься от дождя. Дэвид Гердлер называл себя психотерапевтом и принимал активное участие в работе совета учителей и родителей. Жутко скучный тип, обожавший произносить сентенции *о надлежащей роли в жизни и бессознательном поведении*. Ходили слухи, что во время своих приемов он использует карты Таро. Гердлер всячески лебезил перед Энди.

— Доктор Манетт, — сказал он, кивнув и замедлив шаг. — Отвратительная сегодня погода.

— Да, — ответила Энди, но воспитание не позволило ей довольствоваться одним коротким словом, даже с человеком, который ей не нравился. — Говорят, дождь будет идти всю ночь.

— Да, я тоже слышал прогноз, — сказал Гердлер. — Послушайте, а вы видели «Тераподист» за этот месяц? Там есть статья о возвращении памяти...

Он еще пару минут что-то говорил, Энди машиналь-